

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Тифлисъ: въ Редакціи, находящейся при Типографіи, что на Александровской площади; а также въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С.-петербургѣ: въ Конторѣ газеты «Кавказъ», при книжномъ магазинѣ поч. граж. В. П. Печаткина, и въ Газетной Экспедиціи. Въ Москвѣ: въ Газетной Экспедиціи московскаго почтамта. Въ губерніяхъ: въ Губернскихъ Почтовыхъ Контор.

КАВКАЗЪ,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

№ 15.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

За газету «Кавказъ» безъ казен. прибавленій 9 р.
Съ казенными прибавленіями 12 р. 50 к.
За одинъ казенный прибавленія 5 р.
Съ частныхъ объявленій, печатаемыхъ въ газетѣ, взимается по ¼ коп. серебромъ съ буквы.

СОДЕРЖАНІЕ:

Правительственные распоряженія. Высочайшіе приказы по военному ведомству отъ 14 — 15 января.
Кавказская лѣтопись. Тифлисъ. Военныя извѣстія.
Извѣстія о Россіи. Путешествіе В. К. Константинова Николаевича за границу.
Политическое обозрѣніе.
Литературный отдѣлъ. Полков. Д. В. Мещеряковъ (окончаніе).
Фельетонъ. Разказы бывалаго человека (окончаніе).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

по отдѣльному кавказскому корпусу и войскамъ къ нему прикомандированнымъ.

Января 14-го дня 1857 года. Переводится: Гренадерскихъ полковъ: Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича; Капитанъ Шутова—въ Крымскій Пехотный полкъ и Прапорщикъ Вундеръ—въ Кавказскій Линійный баталіонъ № 8-го. Тифлисскаго, Прапорщикъ князь Орбелиановъ—въ Гренадерскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полкъ. Ставропольскаго Пехотнаго полка 6-го резервнаго баталіона, Подпоручикъ Курдюмовъ—въ Кубанскій Пехотный полкъ. Линійныхъ баталіоновъ: Грузинскаго № 16-го, Прапорщикъ Фаверъ—въ Пехотный Генераль-Адъютанта Князя Чернышева полкъ. Кавказскаго № 1-го, Штабъ-Капитанъ Руквишиковъ въ Кавказскій Линійный баталіонъ № 2-го. Увольняется отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ: Мингрельскаго Гренадерскаго полка, запаснаго баталіона, Подполковникъ Руктецель, Полковникъ, съ мушкетеромъ и съ пенсіономъ двухъ третей жалованья.

Января 15-го дня. Переводится: Кавказскаго Линійнаго баталіона № 9-го, Подпоручикъ Бергъ—въ Драгунскій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкъ, Прапорщикомъ. Увольняется отъ службы, за болѣзнию: Ахалцхскаго Артиллерійскаго гарнизона Прапорщикъ Ивановъ, Подпоручикомъ, съ мушкетеромъ и съ пенсіономъ двухъ третей жалованья.

КАВКАЗСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Тифлисъ. Вчера, въ 3½ часа по полуночи, скончался въ Тифлисъ Верховный Патриархъ и Ка-

ФЕЛЬЕТОНЪ.

РАЗКАЗЫ БЫВАЛАГО ЧЕЛОВѢКА.

ЖЕНИДЬБА.

(Окончаніе.)

Ну-съ, какъ очнулся я отъ всей этой исторіи, думаю себѣ: что же это такое; неужели въ самомъ дѣлѣ жениться? Нѣтъ, дудки!—Анъ вышли не дудки: женился-съ.

Жду я, однако же, не зайдетъ-ли кто... Лукашенцовъ, шельма, глазъ не показывается.—На другой день все таже исторія—никого; наконецъ, ужъ на третій день, Лыковъ, который и жилъ сомной черезъ стѣны, пришелъ ко мнѣ.

«Что это вы все пропали?»

— Кто?—я былъ въ караулѣ. А ты что засѣлъ, какъ бирюкъ?

«Чего, братецъ,—я боленъ».

— Знаемъ мы эти болѣзни. Можжевеловой такъ воняетъ, что хоть чайай. Нѣтъ, братъ, насъ не надуешь: ужъ если кто боленъ, какъ слѣдуетъ офицеру, то не только, что можжевеловой и сотериу не станеть нюхать. Нечего притворяться-то;—псылай-ка за кахетинскимъ.

«Развѣ я притворяюсь?»

— Ну, а если не притворяешься, такъ и разговаривать нечего; такъ-бы ты и сказалъ. Жениться,—такъ и говори, что женись. Подобныя глупости дѣлаются одинъ разъ въ жизни.

«Кто женись?—я?»

Лыковъ расхохотался.

толикось всѣхъ Армянъ, Персеевъ — на 96 году своей замѣчательной, многотрудной жизни.

Военныя извѣстія.

Изъ Большой Чечни. Замняя экспедиція въ Большой Чечнѣ началась вырубкою Миартупскаго орѣшника, о чемъ уже было сказано въ этой газетѣ (см. № 1-й). Оставалось довершить усилія многихъ годовъ и счастливое начало выѣзней зимы: открыть свободное сообщеніе изъ края въ край, черезъ эту непризнанную страну. Войска, распущенныя во второй половинѣ декабря по станціямъ, снова сосредоточились въ двухъ отрядахъ: первый со стороны Грозной, изъ 12 баталіоновъ, 9 ротъ стрѣлковъ и 1-й саперной, 4 эскадроновъ, 18 сотенъ казаковъ и милиціи, при 20 орудіяхъ, собрался въ укр. Бердыкель, на Аргунѣ, подъ личнымъ начальствомъ командующаго войсками Дѣваго крыла, генераль-лейтенанта Евдокимова; второй отрядъ, изъ 7½ баталіоновъ и 13 сотенъ иррегулярной кавалеріи при 14 орудіяхъ, былъ соединенъ на Хоби-Шавдонскихъ высотахъ, надъ рѣчкою Мичикомъ, подъ начальствомъ Свѣты Его Императорскаго Величества генераль-маіора барона Николаи. Обои отрядамъ назначено было сойтись около Гельдыгена, въ самой глубинѣ Большой Чечни. 16-го января генераль-лейтенантъ Евдокимовъ выступилъ съ Аргунскимъ отрядомъ, пробираясь съ трудомъ по пересѣченнымъ и размокшимъ отъ дождя дорогамъ; перешелъ рѣчку Джалку, разсѣялъ толпу Чеченцевъ на Чухумъ-Барзскихъ высотахъ, и остановился тамъ лагеремъ. На этомъ мѣстѣ аргунскій отрядъ простоялъ 3 дня, высылая отдѣльныя колонны рубить просѣку къ аулу Ахшпатай, въ направленіи Гельдыгена. Горцы стрѣляли изъ орудій и вели съ опущекъ ружейную перестрѣлку, но нисколько не замедлили тѣмъ нашихъ работъ. Доведя просѣку до Холхолу, откуда оставалось не болѣе двухъ верстъ, рѣдкими перелѣсками, до Гельдыгенской поляны, генераль Евдокимовъ устроилъ на Джалкѣ вагенбургъ для своихъ тяжестей, и утромъ 20 я-

нваря двинулся къ Гельдыгену другой дорогой, южнѣе, почти у предгорій, мимо Герменчука и Автура. На походѣ войска рубили перелѣски по обѣимъ сторонамъ дороги. Къ этому времени Шамилъ уже выслалъ Чеченцамъ значительныя подкрѣпленія; столько наборовъ собралось въ Большой Чечнѣ, что лазутчики не могли упомянуть именъ всѣхъ. Неприятель сосредоточился въ большомъ числѣ на рѣкѣ Холхалу, чтобъ оспаривать у насъ переправу; занявъ лежащій на ея берегу аулъ Хапо и выше, на опушкѣ лѣса, поставилъ свою артиллерію. Командовавшій головнымъ эшелономъ полковникъ Мишенко быстрымъ натискомъ выгналъ горцевъ изъ аула; флигель-адъютантъ, Гвардіи ротмистръ Черниковъ перебѣжалъ съ баталіономъ на противоположный берегъ, къ автурскимъ садамъ, и горцы принуждены были ограничиться безвредною для насъ канонадой по войскамъ, переходившимъ рѣчку. Генераль Евдокимовъ продолжалъ движеніе къ Гельдыгену, производя гдѣ нужно расчистку лѣса, не смотря на сильную перестрѣлку. Вечеромъ отрядъ занялъ Гельдыгенъ безъ сопротивленія. Толпы горцевъ, подвигаясь съ лѣвой стороны отряда, сосредоточились въ крѣпкомъ аулѣ Оспанъ-Юртъ, лежащемъ въ опушкѣ лѣса, въ полуторѣ версты отъ Гельдыгена. Они могли оттуда поминутно тревожить отрядъ. Чтобы оградить спокойствіе лагеря, Командующій войсками приказалъ своему начальнику Штаба генераль-маіору Рудановскому взять этотъ аулъ; приказаніе его было исполнено съ чрезвычайной быстротой; полковникъ Кемфертъ съ двумя баталіонами выбилъ горцевъ изъ селенія. Съ наступленіемъ ночи, по той сторонѣ Гельдыгенскаго орѣшника засѣялись бивачные огни; тамъ стоялъ уже Кумыкскій отрядъ генерала барона Николаи.

По распоряженію Командующаго войсками, кумыкскій отрядъ съ 15 по 19 число заготовилъ на Хоби-Шавдонскихъ высотахъ строевой лѣсъ и работывалъ спуски черезъ р. Мичикъ; 19-го генераль баронъ Николаи двинулся къ Гельдыгену съ противоположной стороны по старой просѣкѣ и занялъ съ бою аулы Курчали и Кулишь-Юртъ. Дѣйствовавшіе противъ него горцы собрались въ

сто попался въ исторію, изъ которой трудненько выпутаться.

У меня опустились руки.—Явился Давыдка и подаль намъ чай. Мы стали пить молча, поглядывая на улицу. Мало по малу ко мнѣ собралось еще человекъ четыре товарищей; наконецъ влетѣлъ и Лукашенцовъ съ видомъ развязнаго человекъ; но только онъ какъ-то старался, чтобъ не смотреть мнѣ въ глаза. Съ помощью трубокъ и кахетинскаго разговоръ сталъ живѣе. Разумѣется, толковали все о моей помолвкѣ, которой не было. Стали держать советъ.

Одинъ очень толстый поручикъ, который не могъ затягиваться ни табакомъ, ни шарфомъ, какъ слѣдуетъ, говорилъ весьма снисходительно, въ примиряющемъ духѣ, какъ Меттернихъ.

«Оно точно, сказалъ онъ, нельзя же жениться изъ-за семи или осьми стакановъ чаю; но и дѣвушку, кака-бы ни была она, тоже нельзя компрометировать».

— Хорошо-съ, сказалъ Лыковъ,—да чѣмъ же онъ виноватъ?

«Не надобно было слова давать—и все тутъ;—и разговоръ-бы не было».

— Да вѣдь разговоры не онъ завелъ; вѣроятно, завела казначейша;—ну она и женись на ней.

Товарищи хоромъ захохотали, но я не могъ.

«Впрочемъ, я просто не вижу причины, почему-бъ не жениться Абакуму, сказалъ подпоручикъ съ волосами льнянаго цвѣта и ростомъ двухъ аршинъ и двухъ вершковъ съ четвертью. Сося рѣшительно прехорошенькая; это типъ восточной красоты, истинная Грузинка; Зарема, краса гарема... и проч. и проч... Подпоручикъ зналъ Пушкина наизусть».

— Вона! Видали вы! Вотъ ужъ третій день, какъ вся штабъ-квартира объ этомъ толкуетъ, а онъ секретничаетъ.

«Кто-жъ говорить?» спросилъ я, невольно разставя руки, похожий немножечко на ворону, которая собралась летѣть.

— Кто?—Во-первыхъ: казначейша говорить; во-вторыхъ, капитанъ говорить; въ третьихъ, Лукашенцовъ говорить; а въ четвертыхъ—и это всего важнѣе:—самъ маіоръ говорить. Послѣ этого ты можешь быть совершенно увѣренъ, что все говорятъ, начиная съ полковника д. Авдоты Бурѣнковой.

Авдоты Бурѣнкова была прачка—и, надо признаться, хорошенькая.

Я сломалъ свой черешневый чубукъ на-двое и потомъ бросилъ въ уголъ, сжалъ кулаки и взъерошилъ волосы, какъ актеръ, представлявшій Гамлета въ Ставрополѣ.

— Что это?—сказалъ Лыковъ, глядя на меня пристально, — что это за трагедія?—

«Не трагедія, братецъ; а дѣло въ томъ, что я не женись—и все это одни только сплетни».

— Ну нѣтъ, не сплетни.—Развѣ ужъ вы разладили?

«Я и не ладилъ».

— Однако-же это плохая шутка, сказалъ мнѣ Лыковъ, немного подумавши.—Да у васъ же что нибудь было?

Я ему разсказалъ.

Онъ было засмѣялся, но тотчасъ же пересталъ.—Сдѣлавши конца три по комнатѣ, онъ остановился передо мною и съ важностію спросилъ:

— Ну такъ, что-жъ ты объ этомъ думаешь?

«Я думаю, что маіоръ только пошутилъ».

— А я думаю, тутъ шуткою и не пахло; что ты про-

укрѣпленномъ аулѣ Али-Султанъ-кала, по и оттуда были выгнаны. На другой день баронъ *Николай* нашелъ тамъ небольшой артиллерійскій складъ и сжегъ селеніе.

21 и 22-го января соединенные отряды вырубили Гельдыгенскій орѣшникъ, и сожгли занятые аулы подъ канонадою горцевъ, которые, разстрѣлявъ все свои снаряды, послали просить у Шамила помочь. Въ теръ несъ тучи дыма прямо на горы. Видя, что работы приходять къ концу, генералъ *Евдокимовъ* отдалъ часть войскъ, чтобы внезапно нагрянуть на толпы Чеченцевъ, безпокоившихъ отрядъ изъ лѣсу. Пехотная колонна, подъ начальствомъ полковника *Тиммермана*, двинулась къ аулу Мадагинъ, чтобы пресѣчь неприятелю отступленіе; а начальникъ кавалеріи полковникъ *Офрейль* и командовавшій 1-мъ своднымъ казачьимъ полкомъ ротмистръ Гвардіи *Башмаковъ*, ударили на скопище съ казаками. Горцы разбѣжались съ большою потерею. Подполковникъ *Биликъ* преслѣдовалъ ихъ съ чеченскою милиціею въ самой чащѣ лѣса, и тамъ еще порубилъ многихъ. Въ то же время подполковникъ *Муса-Куидуховъ*, наблюдавшій съ 2-мя сотнями милиціи дорогу къ Автуру, внезапно встрѣтилъ большой конный отрядъ Аварцевъ съ 8-ю знаками. Наши милиціонеры стремительно атаковали Аварцевъ и втоптали ихъ въ рѣчку, порубивъ 50 человекъ. Богуляскій наибъ, сильно раненый въ этой сшибкѣ, успѣлъ однако же убѣжать.

23 января аргунскій отрядъ оставилъ развалины Гельдыгена, и расположился между рѣчкой Холхолу и ауломъ Ахипатоемъ. Къ полудню другого дня очистили отъ лѣсу промежутки, оставшіяся между просѣкою, доведенною въ первые дни экспедиціи до Ахипатоя и Гельдыгенскою поляною. Горцы, пробираясь перелѣсками и лѣсными оврагами, нѣсколько разъ открывали огонь изъ орудій по нашимъ колоннамъ, но не могли долго держаться въ занимаемыхъ позиціяхъ и опять уходили въ чащу. Не надѣясь больше на оружіе, они запрудили выше рѣчку Холхолу, чтобъ лишить нашъ отрядъ воды; но поливные каналы, начинаясь выше запруды, оставались полными. По окончаніи работъ аргунскій отрядъ возвратился на первую свою позицію въ Чухумъ-Барзѣ. Отрядъ генерала барона *Николай* въ то же время былъ возвращенъ на Хоби-Шавдонъ.

Въ слѣдующіе за тѣмъ дни генералъ *Евдокимовъ* высылалъ колонны изъ Чухумъ-Барзскаго лагеря для расширенія сдѣланной просѣки. Сильный вѣтеръ со снѣгомъ заставилъ горцевъ, вообще плохо одѣтыхъ, попрятаться и они не тревожили нашихъ работъ; когда погода разъяснилась, они показались снова. 29-го полковникъ *Мищенко* былъ посланъ съ колонной открыть просѣку черезъ Джакку, между гельдыгенскою и шалинскою полянами. Горцы опять выставили орудія и пытались выходить на поляну. Но подполковникъ князь *Чавчавадзе* съ

драгунами и войсковою старшина *Федюшкинъ* съ казаками всякій разъ загоняли ихъ снова въ лѣсъ. Къ 2-мъ часамъ по-полудни просѣка была окончена.

31-го января, совершивъ предпріятыя работы, генералъ-лейтенантъ *Евдокимовъ* возвратился съ отрядомъ въ укр. Бердыкель, и распустилъ его по ближайшимъ станицамъ. Экспедиція продолжалась 15 дней и результатъ ея, — окончаніе безрешительнаго во всякое время сообщенія для нашихъ колоннъ у самыхъ предгорій, отъ Воздвиженскаго и Грозной до Кумыкской плоскости.

Потеря двухъ отрядовъ, по важности результата и побужденныхъ пренятствій, чрезвычайно незначительна: оба отряда потеряли убитыми и ранеными 58 нижнихъ чиновъ и одного офицера. Сосредоточеніе значительной массы войскъ, которая нигдѣ не представляла горцамъ слабой стороны, вѣрный расчетъ и быстрота ударовъ объясняютъ такую несообразность результата съ потерей. Рвеніе войскъ облегчило начальнику достиженіе всѣхъ его цѣлей. Генералъ *Евдокимовъ* пишетъ въ своемъ донесеніи: «не буду ничего говорить о мужествѣ и распорядительности генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, о храбрости и самоотверженіи неутомимыхъ солдатъ. Пройденныя трудныя мѣста, многократныя пораженія неприятеля, уничтоженные до основанія аулы, цѣлые лѣса, вырубленные въ короткое время, устроенныя широкія просѣки это свидѣтельствуютъ».

ИЗВѢСТІЯ О РОССИИ.

По полученному въ Санктпетербургъ телеграфическому извѣстію, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ распорядился отправить изъ Альтенбурга въ Дрезденъ 22-го января старикаго стили, воротиться въ Альтенбургъ 24-го, 26-го вѣхать въ Веймаръ, а 27-го быть въ Ганноверѣ.

— Въ «Свѣ. Пч.» сообщаютъ слѣдующія извѣстія изъ Ганновера, 14-го (26-го) января. — Вице-адмиралъ графъ Путятинъ отправился обратно въ Парижъ. 15-го (27-го) адъютантъ Великаго Князя Константина Николаевича, капитанъ 2-го ранга Лисинскій, прибылъ въ Ганноверъ изъ Бордо, гдѣ онъ наблюдаетъ за сооруженіемъ на верфи Серманъ и комп. заказанныхъ для русскаго флота винтовыхъ судовъ: фрегата «Свѣтлана» и корвета «Баянъ». Его Высочество былъ съ герцогомъ Юсифомъ альтенбургскимъ въ театрѣ на представленіи оперы Моцарта: «Волшебная Флейта». Король, будучи слыть, особенно любитъ музыку и покровительствуетъ театру, на содержаніе котораго добавляетъ изъ собственныхъ суммъ до семидесяти тысячъ талеровъ въ годъ съ условіемъ, чтобъ офицеры получали билеты по самой умеренной цѣнѣ. Оркестръ весьма хорошъ; зала новаго театра отличается изящною отдѣлкою, и репертуаръ весьма разнообразный. У короля часто бывають музыкальные вечера. — 16-го (28-го) января, въ половинѣ третьяго часа по-полудни, Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Великая Княгиня Александра Юсифовна отправились въ Альтенбургъ и Веймаръ съ тѣмъ, чтобы вернуться въ Ганноверъ чрезъ десять дней. Ихъ Высочества сопровождаютъ: супруга генерал-майора Чичерина, фрейлина Баргенева, гофмейстеръ Сабуровъ, камергеръ Головинъ и адъютанты Его Высочества,

даться къ нему въ немилость. Тутъ уже спуска не было; допекалъ не мытjemъ, такъ катаньемъ; за пятнышко на солдатской шинели отвѣтишь. Распекательную систему зналъ превосходно; говорить умѣлъ такъ, что хоть тутъ же печатай. Съ великими людьми онъ не переменялся—и ежели только когда разгорачится, то всѣхъ ихъ переберетъ поодиночкѣ: и Наполеона ему подай на сцену, вытащить и Петра Великаго;—регламентъ, говорить, строгость, порядокъ, субординація. . . А съ Суворовымъ такъ онъ обращался за панибрата; бывало, чуть только гдѣ неисправность по службѣ, такъ онъ имъ по глазамъ и тычетъ. Одного только Фридриха Великаго оставлялъ въ покоѣ; былъ чтоль онъ не охотникъ до Нѣмцевъ, или просто, такъ не любилъ—Богъ его знаетъ. А краснорѣчивъ былъ, краснорѣчивъ. . . У! какъ краснорѣчивъ.—Даромъ, что былъ майоръ, а какъ приметски распекать бывало, такъ точно по генералъ-майорски!—Ну, да и то сказать, ужъ давно это было; времена тогда были крутыя:—руку не всякому еще подавали. . .

Да-съ; такъ вотъ къ такому-то, можете вы представить себѣ,—простите за выраженіе—чорту долженъ я былъ идти объясняться по преглупѣйшему дѣлу.—Нечего дѣлать; прихожу, въ шарфѣ, какъ слѣдуетъ. Подождать минутъ десять;—вотъ, наконецъ, выходить.

«А! г. прапорщикъ. Что это васъ давно уже не видать?»

— Извините майоръ, я былъ боленъ.

«Больны были. . . Ну, а теперь какъ?»

— Теперь слава Богу!

«Вотъ видите-ль! А мы удивлялись: чтобъ это значило? Общались—да и пропали. Сосѣ объ васъ ужъ спрашивала».

Ну, это, подумалъ я, пока еще ничего; можетъ быть, какъ и вывернуса.

— Я не смѣлъ васъ обезпокоить.

полковникъ Грейгъ и лейтенантъ князь Ухтомскій, вице-адмиралъ Глазсиль отправился въ Гаугу, а капитанъ 2-го ранга князь Лобановъ-Ростовскій въ Гамбургъ. — Покровительница Великаго Князя Ольга и Вѣра Константиновны остались въ Ганноверѣ у ея величества королевы, и при нихъ супруга генералъ-лейтенанта Андреева.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Последнія полученныя нами газеты доходятъ: русскія до 26, иностранныя до 19-го (31) января. Онѣ сообщаютъ такъ много разнообразныхъ новостей въ мѣрѣ политическомъ и въ общественной жизни, что невольно находишься въ затрудненіи соразмѣрить ихъ съ тѣсными рамками нашей газеты. Самый видный фактъ—это положеніе лорда Пальмерстона и англійской политики лицомъ къ лицу съ современнымъ движеніемъ партій въ Англіи и со многими имъ-же поднятыми и запутанными вопросами. Приближающееся открытіе палаты дѣлаетъ положеніе это еще болѣе затруднительнымъ. Партія торіевъ имѣетъ во главѣ своей двухъ вождей: лорда Дерби въ верхней палатѣ и д'Израели въ нижней; лордъ Джонъ-Россель, говорить, также прибудетъ въ Лондонъ къ открытію палаты и станетъ во главѣ разрозненной уже теперь партіи пиллистовъ. Эта парламентская гроза будетъ держать министерство въ осадѣ и пужны великая ловкость и много таланта, чтобъ отразить эти нападенія. Въ парламентскихъ лѣтописяхъ не бывало еще примѣра, чтобъ министерство падало по вопросамъ высшей политики; но у лорда Росселя есть большой запасъ внутреннихъ важныхъ вопросовъ, во главѣ ихъ—парламентская реформа. Приверженцы торіевъ, мирная манчестерская школа и общественное мнѣніе держатъ въ запасѣ вопросъ о подати на доходы и развиваютъ его на митингахъ.

Иностранныя газеты заняты рѣчью императора Французовъ въ отвѣтъ Ферукъ-Хану. Ей приписываютъ большое значеніе и особенный тактъ императора въ настоящемъ вопросѣ по поводу войны съ Персіей. Какъ будто бы уклоняя отъ себя приняе вмешательство въ этотъ споръ, тѣмъ не менѣе Людовикъ Наполеонъ сожалѣніемъ своимъ о сѣмъ столкновеніи очень ясно даетъ понять, что онъ и желаетъ и будетъ совѣтомъ своимъ содѣйствовать мирному окончанію этой распри. Съ политической точки зрѣнія также нельзя не принять въ соображеніе, что Франціи не можетъ хладнокровно смотрѣть на желаніе Англіи удержатъ за собой островъ Каракъ, а быть можетъ и самый Бендеръ-Буширъ—и такимъ образомъ, мало по малу, опутать весь шаръ земной сѣтью своихъ морскихъ станцій, желѣзныхъ дорогъ, электрическихъ телеграфовъ и разныхъ торговыхъ факторій.

Въ журналѣ le Nord мы находимъ весьма важный документъ: инструкцію парижскаго конгресса особой комиссіи по устройству дунайскихъ княжествъ, сообразно статьѣ 25-й трактата 30 марта. Мы еще будемъ имѣть случай обратиться къ этому интересному документу.

«Какъ же такъ? Ударили по рукамъ, а тутъ беспокоить не смѣете?..»

— Но, майоръ, вы меня извините. . . Я все думаю, это шутка.

«Что-съ?»—Майоръ выпрямился всѣмъ станомъ и началъ выпускать когти, какъ тигръ.—Ну, подумалъ я, будетъ схватка; да ужъ, была не была, вытерплю: авось не отдѣлаюсь-ли.

«Что-съ?—Такъ по вашему это шутка? Только не знаю съ чьей стороны. Ежели съ моей, то прошу васъ замѣтить, что я не способенъ къ подобнымъ шуткамъ; а ежели съ вашей, то вы должны знать, сударь, что я не позволю съ собой шутить».

Коротко и ясно.—Языкъ ушолъ у меня просто, какъ говорится, въ пятки; я не нашолся что отвѣчать. Водворилесь молчаніе.

«Что-жь вы молчите, милостивый государь?—началъ опять майоръ, взвѣсивъ на ноту выше.—Или вы думаете опять, что и это молчаніе, тоже, мудрость?.. А-съ?»

Я молчалъ.

«Вамъ угодно смѣяться чтоль надо-мною—или испытывать, великолъ у меня терпѣніе?.. Что-жь вы не отвѣчаете?..»

— Майоръ, извините,—я полагаю, что вы изволили меня требовать къ вамъ по службѣ.

Если-бъ конгревовская ракета лопнула перелъ носомъ майора, она не произвела-бы надъ нимъ такого дѣйствія, какъ эта простая фраза, сказанная мной безъ намѣренія. Майоръ поблѣднѣлъ весь до подбородка, глаза у него покрылись какимъ-то синимъ пламенемъ и свѣтились, какъ у волка: онъ передернулъ плечами: его корбило.

«По службѣ?—закричалъ онъ, нисколько уже не перемонясь со мною. Вамъ угодно учить меня—зачѣмъ звать васъ: по службѣ, или не по службѣ?.. Куда вы зашли?»

Я поколебался. Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, зачѣмъ губить дѣвушку; толковъ объ этомъ пойдетъ вездѣ куча. Сосѣ не дура и глаза у ней выразительные. Правда, она ужъ не молода,—да и не стара.

«По-моему, рѣшительно надо жениться», сказалъ поручикъ, не умѣвший затягиваться.

— Ну, оно можно-бъ и не жениться, замѣтилъ Лукашенцовъ, который, Богъ знаетъ почему, слылъ у насъ въ баталіонѣ за вольдумца—только я не совѣтую: можно значительно потерять по службѣ».

«А!—сказалъ Лыковъ; ну, это другой вопросъ».

Однимъ словомъ, коротенько сказать вамъ, товарищи просидѣли у меня цѣлый вечеръ, выпили очень порядочный бурдючокъ кахетинскаго, сожгли фунта два табаку—и разошлись, совершенно довольные своимъ положеніемъ и оставивъ меня все въ томъ же, въ которомъ я былъ.

Можете вы вообразить себѣ, ночь я провелъ безбеспокойною. Рано проснулся и рано одѣлся, чтобы пойти, да съ кѣмъ нибудь посоветоваться, что дѣлать. Только я взялся за шапку,—дверь заскрышала: явился вѣстовой, вытиснулся у притолки и сказалъ мнѣ: извольте пожаловать ваше благородіе къ баталіонному командиру.

«Сей-часъ же?»

— Такъ точно-съ.

«Ступай; я приду».

Ну, сказалъ я въ вполголоса самому себѣ, теперь начинается.—Я прочелъ «Отче нашъ»;—другихъ заклинаній у меня не было ни отъ сатаны, ни отъ командира. Однако же, прежде чѣмъ выйти, я прошелся разъ пять по комнатѣ; сердце у меня стучало, какъ разошшіеся часы съ кукушкою. Наконецъ я пошелъ.

Но прежде всего надо сказать вамъ, что за человекъ былъ у насъ баталіонный командиръ и что значило попа-

Явление Ферукъ-Хана въ салонахъ Парижа составляетъ событіе, выходящее изъ разряда обыкновенныхъ. Персидскій посланникъ тамъ пользуется особымъ сочувствіемъ и вниманіемъ.

Французскіе журналы наполнены извѣстіями и подробностями о смерти княгини Лавень, умершей на 70 году, въ Парижѣ, гдѣ гостинная ея была центромъ, куда стекались все знаменитости міра политическаго, — настоящей нейтральной землей, чуждой всѣхъ непріязней и партій. Тѣло умершей будетъ привезено въ Россію, въ родовое имѣніе покойницы, въ Лифляндію.

Убіица Сибура, Верже, казнитъ.

Изъ Китая новостей мало — нтъ не интересны.

Изъ Ниццы пишутъ «Монитеру» отъ 23-го (11-го) января, что сардинскій король прибылъ наканунѣ въ Вилла-Франкъ на паровомъ фрегатѣ «Governolo». Послѣ обычныхъ салутовъ со стороны городского форта, русскаго фрегата «Олафъ» и трехъ сардинскихъ военныхъ бригавъ, стоявшихъ на рейдѣ, король сошелъ на берегъ, гдѣ его встрѣтили графъ Кавуръ и мѣстные гражданскія и военныя власти Вилла-Франка. Король произвелъ смотръ 9-му линейному полку, а въ 11-ть часовъ прѣхалъ въ Ниццу, гдѣ въ честь ему была воздвигнута на площади Vittorio триумфальная арка. Король посѣтилъ Ея Величество Императрицу Александру Феодоровну въ виллѣ Авиандоръ. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ; вилла Императрицы поражала своимъ великолѣпіемъ. Король, долго развѣзжавшій по улицамъ въ открытой коляскѣ, былъ принимаемъ повсюду съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

(Nord.) Одна «Берлинская Генеральная Корреспонденція» извѣщаетъ, что Пруссія и Швейцарія будутъ вести между собою, черезъ посредство Франціи, переговоры объ окончательномъ рѣшеніи невшатальскаго вопроса. Конференція пяти великихъ державъ, подписавшихъ лондонскій протоколъ, останется только утвердить сдѣлку, заключенную дипломатическимъ путемъ. Этимъ способомъ избѣгнуть прѣтѣствій, которыя бы не замедлили возбудить Англія и Австрія; притомъ, такъ-какъ державы рѣшились, повидимому, не допускать Швейцарію къ участию въ конференціяхъ, то она меньше оскорбится такимъ исключеніемъ, если между нею и Пруссіею установится предварительное соглашеніе.

(N. Pr. Z.) Въ «Times» напечатана слѣдующая телеграфическая депеша изъ Триеста: — «Буширъ сдался на капитуляцію 9-го декабря, послѣ того какъ флотъ обстрѣливалъ его 4 часа сряду, безъ малѣйшей потери со стороны атаковавшихъ. Фортъ Бушира вѣтъ еще наканунѣ послѣ перваго дѣла, въ которомъ пали бригадиръ Стокфордъ, полковникъ Магетъ, поручики Уттерсакъ и Варренъ. Раненъ только одинъ офицеръ — капитанъ Вудъ. — Карракъ занятъ 4-го декабря. Въ Персидскій Заливъ имѣютъ быть посланы значительныя подкрѣпленія».

(N. Pr. Z.) Въ политическихъ кружкахъ Парижа не совѣмъ довольны тѣмъ, что Англичане заняли островъ Карракъ въ Персидскомъ Заливѣ. Этотъ островъ перешелъ къ Франціи, во времена Людовика XV на основаніи формальнаго трактата, который возобновленъ въ 1810 году. Быть можетъ, Франція вытребуетъ этотъ островъ у Англіи.

(N. Pr. Z.) Англичане взяли фортъ French Folly въ Кантонѣ не безъ сопротивления и съ помощью военныхъ кораблей «Vanguard» и «Epsom». Капитанъ Коуперъ скончался отъ того, что на него упали развалины сторѣвшаго дома. Адмиралъ Сеймуръ велѣлъ разрушить китайскія жилища, въ которыхъ взимается транзитная пошлина, потому что нѣсколько Китайцевъ напали съ тылу на одного англійскаго матроса и тяжело его ранили.

Газета «Times» говоритъ, что послѣднія извѣстія изъ Китая возбуждаютъ живѣешее волненіе въ Англіи и повлекли за собою удивленную дѣятельность въ покункѣ чаю. По словамъ этой газеты, факторы были къ счастью очищены съ самаго начала вѣрившихся дѣйствій, такъ-что сторѣли они только сторѣнія. Девяты, книги и всякая другая сколько-нибудь цѣнная собственность банковъ находилась въ безопасности въ Хон-Конгѣ.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Полковникъ Дмитрій Васильевичъ Мещериновъ.

Отрывокъ изъ воспоминаній кавказскихъ.

(Окончаніе).

Надо сказать, что управленіе бригадою линейныхъ казаковъ совѣмъ не такъ легко, какъ это можетъ казаться людямъ незнакомымъ съ этимъ дѣломъ. Управлять бригадою кавказскихъ линейныхъ казаковъ это: быть и хлѣбопашцемъ, и строителемъ, и гуртовщикомъ, и конскимъ заводчикомъ, и фабрикантомъ, и оружейникомъ, и серебрякомъ, и садоводомъ, и вообще хозяиномъ до послѣднихъ подробностей сельскаго казачьяго дѣла — jusqu'aux bouts des ongles; создавать и устранивать внутреннія жизненныя силы, изучить и понять духъ и особенности края, и его защитниковъ и его враговъ; развивать и поддерживать благосостояніе и все условія счастливаго довольства и безбѣднаго быта линейныхъ казаковъ — этихъ поселянъ-воиновъ; вникать въ ихъ жизнь дома, заглянуть подъ ихъ соломенную крышу, заглянуть и въ клѣтъ, гдѣ ихъ запасъ хлѣба, заглянуть имъ и въ глубь сердца. развести и помирить ссорщиковъ, преслѣдовать злодѣя, миловать невольнаго провинившагося; управлять всеми дѣлами, всеми производительными и потребительными, всеми наступательными и оборонительными силами десятковъ тысячъ казаковъ; слѣдить за службой и хозяйствомъ и за нравственнымъ направлениемъ всѣхъ и каждаго; быть отличнымъ распорядителемъ, безкорыстнымъ казначеемъ, проницательнымъ председателемъ Полковаго Правленія, недремлющимъ повѣрщикомъ и аудиторомъ и мірскихъ станичныхъ приговоровъ; и судить и рядить. . . Кажется, не мало обязанностей! а дѣло-то исчислено далеко еще не все. Бригадиръ смотри за созданіемъ и стройнымъ сочетаніемъ силъ хозяйственныхъ и боевыхъ въ бригадѣ, гдѣ тысячъ 20, 30 народу; да изъ этихъ силъ, смотри, уравнивай живую изгородь: вооружай, обучай, сажай на коней да и очередуй казаковъ, которые протянулись снуркомъ отъ моря Чернаго до моря Каспійскаго, стали грудью всюду противъ враговъ, окружили всѣ горы, сторожатъ всѣ ущелья, всѣ рѣки, всѣ переправы, всѣ трупобой, всѣ лазѣйки; торчатъ на всѣхъ вышкахъ, лежатъ въ секретѣхъ на всѣхъ тайныхъ водчыхъ тропахъ; скачутъ день, скачутъ ночь, скачутъ по три дня и по три ночи и не смѣютъ ни устать, ни отстать; вьюга, буря, дождь, зной, морозъ — имъ все равно; да они сами себя и одѣваютъ и вооружаютъ. . . И все это имъ добудь, всѣмъ

ихъ спаради, всѣмъ распорядись умно, справедливо, прозорливо — ты, дальновидный, многообъемлющій батюшко-хозяинъ — бригадный командиръ. . . А когда надо ударить на врага дружно, массой, сотнями, полкомъ, бригадою — садись-ка ты самъ на удалова коня, крикни команду ловко, громко, сноровисто, и мчись впередъ, и гикни на горцевъ такъ, чтобы тѣ свѣта не взвидѣли, и показали хвосты и подковы коней своихъ, и устѣли поле мертвецами! Вотъ тогда все за тобой; тогда тебя будутъ любить и уважать и бояться твои лихіе казаки, будетъ почтять и чествовать начальство. Тогда ты будешь истымъ молодцомъ-бригадиромъ.

Такимъ точъ въ точъ былъ Мещериновъ. Среди непрерывныхъ опасностей, безъ которыхъ день и ночь линейнаго казака показались бы какъ-то странными и неполными, посреди безпрестанныхъ чудныхъ подвиговъ, о которыхъ подчасъ недосужно и балагурить, въ странѣ, гдѣ храбрость не особое достоинство, а общенародность, — и здѣсь Мещериновъ составилъ себѣ имя безстрашнаго. Горцы говорили, что онъ *родился абрекомъ*.

Эту мысль имѣлъ и я, когда увидѣлъ Мещеринова въ первый разъ. Это было при осмотрѣ кубанской бригады. Изъ какой-то экспедиціи онъ возвращался домой въ головѣ отряда. Опоздавъ къ смотру въ станицѣ, узнавъ о немъ, когда мы уже выѣхали изъ станицы, онъ примчался на своемъ стромѣ вихрѣ; на лету какъ молнія обогналъ онъ насъ и въ самый мигъ остановки его коня — уже стоялъ пѣший возлѣ насъ, будто не онъ прискакалъ на конѣ, будто онъ выросъ изъ-подъ земли въ джигитской темной черкескѣ, подъ бѣлой папайкой, съ густою кудрявою бородой, стройный, ловкій, проворный. . . Явись и бысть!

Много было у Мещеринова личныхъ подвиговъ; много было опытовъ и опытности въ войнѣ съ горцами; все сходило благополучно; судьба какъ будто берегла его. . . по бѣда подстерегла.

Въ маѣ 1855 Мещеринову велѣли собрать отрядъ за Лабою въ верхнихъ р. Тегеней, для налета на баранту, о которой провѣдали мы чрезъ лазутчиковъ. Мы вѣдъ непрерывно хищничаемъ у хищниковъ. . . Долгъ, дескать, красенъ платежомъ; за наше лыко отдай-ка свой ремешокъ, да еще и съ добавкой. . . Сказано-сдѣлано! Огрядъ у Каладжей переправляется чрезъ мостъ. Позади всѣхъ ѣдетъ Мещериновъ. Посреди моста онъ пріостановилъ своего коня: было начало полноводія; онъ нѣсколько мгновений зорко глядѣлъ на порывистый напоръ волноубойной рѣки, шумно, бурливо, мутно-пѣнистыми желтоокрасными струями несшейся изъ горнаго ущелья. Сомнительно покачалъ онъ головой и сказалъ: «дай Богъ мостику часъ добрый совладать съ тобою, бѣшеная! по мнѣ, такъ надежда на тебя плоха!»

Рація была удачна. Съ блѣднымъ разсвѣтомъ,

Что-же вы думаете? что я какой нибудь Казимъ-Мулла, Гамзатъ-бекъ, что хотите быть въ непріязненныхъ ко мнѣ отношеніяхъ? — Вы забылись, сударь! Надобно уважать начальниковъ; пошамете-ли? — уважать. . .»

И пошелъ, и пошелъ. . . Прошло минутъ двадцать, а маіоръ все еще говорилъ; однако-же до Наполеона еще не доходило; впрочемъ Рушиновъ, Косцюшко и Веллингтонъ, уже Богъ знаетъ почему-то, припутаны были ко всей этой громогласной исторіи. Я былъ тогда молодъ, неопытенъ и никакъ не могъ понять: чѣмъ же онъ могъ-бы такъ оскорбиться, что я напомнилъ ему о службѣ?

Вымѣривъ свою залу неоднократно шагами, маіоръ вдругъ остановился передо мною и голосомъ больше спокойнымъ и даже ласковымъ вдругъ сказалъ мнѣ:

«Вы молоды; — неужели вы думаете, что мы, начальники, не должны заботиться о своихъ подчиненныхъ? Вы ошибаетесь. — Если я говорю вамъ, то это единственно изъ участія. Въ чѣмъ же тутъ дѣло? Вы дали слово благородной дѣвицѣ, чтобы на ней жениться; дали торжественно, въ присутствіи постороннихъ лицъ. Положимъ, вы сдѣлали это опростачиво; но подумайте, какъ человекъ благородный, прилично-ль отказываться? . . . Допустимъ: вы отказались. — Хорошо-съ. Что же изъ этого? — Самыя погубныя послѣдствія для нея и для васъ. Ее вы компрометируете, а сами подвергаетесь еще большему опасностямъ. Знаете, что Сусанна Антоновна изъ хорошей фамиліи здѣшнихъ дворянъ. У нее здѣсь есть братъ; онъ вамъ не спуститъ же этого. Вы будете драться. — Я, признаюсь, по регламенту, допустить этого не желалъ-бы; но здѣсь Кавказъ; ежели не допустишь дуэли — васъ убьютъ просто изъ-за угла. Вы не знаете здѣшнихъ нравовъ. Братъ Соси — я увѣряю васъ, — это отчаянный изъ людей».

Точно; явился и братецъ; — какой-то Мамашвилевъ, чортъ его знаетъ, что за фамилія. Грузинъ-ли былъ, Армянинъ-ли,

знаю что изъ туземцевъ; — у насъ же въ полку служилъ; — волосы черные, носъ большой, глаза тоже большіе, на выкатъ, и съ выраженіемъ точно такого-жъ глубокомыслія, какъ у рака.

Вымѣривъ эту опасность своими глазами, я сдѣлался много опытиче. Дуэль — оно ничего-бы, вещь даже заманчивая: можете вы вообразить себѣ, я былъ тогда только лишь второй годъ на Кавказѣ, а въ Рязанской Губерніи у насъ, особенно между мелкопомѣстнымъ дворянствомъ, о дуэляхъ имѣли понятія точно такія-же, какъ и объ Антихристѣ.

«Ну такъ, какъ-же вы думаете?» спросилъ маіоръ.

— Право не знаю. . . Что касается съ моей стороны, я готовъ-бы, но обстоятельства. . .

«А! — это умно. Значитъ вы не богаты. Есть-ли у васъ имѣніе?»

— У матушки, только осьмнадцать душъ.

«У матушки? — какъ же вы говорили, что она умерла?»

— Нѣтъ-съ; это тетушка Степанида Борисовна въ третьемъ году скончалась.

«Мм. . . Тетушка. Ну, да это рѣшительно все равно. Чѣмъ же вы затрудняетесь?»

— Какъ же чѣмъ? Жениться, надо жить.

«Это не ваша забота. Соси мой воспитанница; я буду давать ей на содержаніе.»

— Но, маіоръ. . .

«Погодите. Карьеру я вашу устрою. У меня есть здѣсь связи, баталіонъ, — понимаете-ли? Средства у меня есть».

— Но, маіоръ. . . у меня нѣтъ ни гроша денегъ.

«А! — ну, давно-бы такъ и сказали. — Вотъ вамъ пятсотъ цѣлковыхъ покуда, на ваши издержки. Пожалуйста много не тратьтесь. Устройте тамъ какъ-нибудь поприличнѣе вашу квартиру — и только. Свадьбу сыграемъ здѣсь у меня — я всѣмъ распорядусь и вамъ тратить не слѣдуетъ ни копѣйки».

Съ этими же словами маіоръ передалъ мнѣ пукъ ассигнацій, которыя, вѣроятно, заранее приготовилъ на этотъ случай.

«Вашу руку, молодой человекъ!»

Я сунулъ бумажки за пазуху и подаль маіору руку; онъ мнѣ пожалъ ее — и я помирился съ нимъ отъ души. Въ наши времена еще вѣрили этимъ пожатіямъ.

«Мишка! эй! — водки! — Я думаю, мы закусимъ теперь; уже скоро двѣнадцать, сказалъ маіоръ, обращаясь ко мнѣ. Кладите пожалуста вашу шапку, съмайте шарфъ. Не посылать-ли и за Лукашцовымъ? . . . Соси! — Ну что-же вы тамъ запропастились?»

Подали водку, закуску; — Соси къ намъ вышла; приползъ Лукашцовъ, потомъ капитанъ, а тутъ, кстати, и полковой священникъ. Мы помялись кольцами, закусили, хлопнули двѣ, три бутылки шампанскаго. — Однимъ словомъ, кутнули какъ слѣдуетъ.

Послѣ этого, можете себѣ вообразить, такъ-то вотъ и женился я грѣшный.

Авакумъ Вавакаловъ.

БЕНЕФИСЪ Г. ШВАНА.

Завтра, въ пятницу, назначенъ бенефисъ комика нашей тифлисской труппы. Бенефисъ этотъ *прощальный*. Г. Шванъ не гоняется за кровавыми драмами и даетъ два веселенькихъ водевилля, болѣе сообразные съ его средствами. Мы еще помнимъ, что первый бенефисъ г. Швана, удачно составленный, не могъ состояться не по его винѣ. Нельзя не желать, чтобы публика, которую онъ не разъ смѣшилъ неподдѣльнымъ талантомъ, не осталася хладнокровной къ артисту, который иногда на плечахъ своихъ выносилъ весь спектакль, играя почти всегда въ двухъ ихъ трехъ пьесахъ. Мы увѣрены, что бенефисъ г. Швана будетъ разыгранъ старательно и не заставитъ насъ поскучать.

на баранту налетѣли ястребами лихѣ кубанцы, миготъ отхватили ее и погналы къ намъ; Чобаны взяты въ плѣнъ; одинъ какъ-то или отсталъ отъ своихъ, или засѣлъ гдѣ-то въ ямъ, и непойманный, проскользнувъ до горъ, подыалъ тревогу. Въ то же время Мещериновъ получилъ приказаніе: гдѣ бы оно его не застало, немедленно возвратиться изъ-за Лабы, и форсированнымъ маршемъ спѣшить съ сборнымъ отрядомъ къ нашимъ собратамъ и сосѣдямъ въ Черноморію, на встрѣчу къ ожидающему тамъ неприятелю, болѣе серьезному, чѣмъ знакомые намъ и уже все для насъ не страшные оборванцы-абреки. Уже близка переправа, какъ закипѣла перестрѣлка: сбѣжавшіеся горцы завязали ее, желая отбить баранту и отмстить за набѣгъ. Мещериновъ посылаетъ обезпечить переправу чрезъ мостъ, стягивая туда весь отрядъ. Оказывается его предвѣдніе справедливымъ: на самой быстрѣй рѣки, гдѣ вчера Мещериновъ останавливалъ своего коня, два мостовыхъ устоя въ ту же ночь снесены; переправы нѣтъ; а рѣка сердито вздулась и реветъ и бушуетъ, все возвышаясь, все расширяясь, выростая ужъ точно не по днямъ, а по часамъ, и стремительно унося обломки моста. Что дѣлать?! А сзади, сверкая и гремя, приближаются выстрѣлы горцевъ. Надо сохранить и переправить отрядъ во что бы то ни стало, а съ отрядомъ и телги и пушки; да и баранту какъ бросить! Мещериновъ съ своими кубанцами отбрасываетъ горцевъ окончательно, и придумываетъ нѣчто въ родѣ Чортова висячаго моста. Пространство между разорванныхъ устоевъ болѣе 8 сажень. Онъ велитъ связать его частою продольною навязкою канатовъ и веревокъ. Навязавъ эту основу, на нее поперегъ настилаются доски, и по нимъ обозъ, лафеты, цѣхота начинаютъ воздушную переправу. Два раза канаты вытягиваясь рвутся, два раза рѣка относитъ ихъ въ сторону; но Мещериновъ переупрямилъ Лабу: онъ два раза возобновляетъ и улучшаетъ свой мостъ и, борясь съ препятствіями для другаго бы неодолимыми, увлекая своихъ кубанцевъ личнымъ своимъ безстрашіемъ и изумительно-дѣятельною настойчивостію, переплывъ до 15 разъ Лабу на своемъ удивительномъ конѣ, измокнувъ, продрогнувъ, окоченѣвъ, простудясь страшно, Мещериновъ спасъ весь отрядъ, переправилъ его благополучно (пушки перетаскивъ по дну рѣки) и ночью, полуживой, прискакавъ въ перекладной на ночлегъ, далъ чѣмъ за 100 верстъ отъ этой злодѣйской переправы. И баранта вся переправлена: кубанцы, молодцы необыкновенные, по нѣскольку разъ возвращались за нею и всѣхъ барановъ перевезли чрезъ рѣку въ своихъ объятіяхъ, верхомъ на своихъ вѣрныхъ крѣпкихъ коняхъ.

Это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, подвигъ самопожертвованія. Жесточайшая простуда и не прерывавшая послѣ того изнурительная лихорадка были для Мещеринова тяжелыми послѣдствіями этой необыкновенной переправы.

Въ Черноморіи лихорадка эта не уменьшилась. Напротивъ. По возвращеніи отсюда, Дмитрій Васильевичъ поддерживаемъ былъ уже только силою своей душевной энергіи. Онъ видимо сталъ измѣняться; свѣжесть чертъ лица сбѣгала ежедневно; онъ худѣлъ, желтѣлъ, таялъ, но все крѣпился; блескъ его зоркаго быстрого глаза угасалъ; веселый, игривый умъ исчезалъ, подергиваясь какимъ-то мрачнымъ, грустнымъ и порою желчнымъ оттѣнкомъ; всегда живая съ нимъ бесѣда томилась, только изрѣдка, по все рѣже и рѣже, едва вспыхивая проблесками прежней бойкости. Свѣтильникъ жизни догнралъ. У него на душѣ стало тяжело. Забывая все остальное, онъ чаще вспоминалъ чтимую имъ мать, любимаго брата, вспоминалъ еще существо, имъ душевно любимое, хотѣлъ что-то имъ писать и все откладывалъ отъ чрезмѣрной слабости. Онъ тоскливо о чемъ-то все задумывался, все грустилъ, молчалъ, вянулъ. Разныя огорченія, потемнѣвшія послѣдніе годы его жизни и службы, дали ему страданія печени и сердца. Эти страданія, укоренясь при страшной простудѣ во время переправы чрезъ Лабу, развились гигантски, опасно, неисцѣлимо и свели его въ могилу; какъ въ желудкѣ и расширеніе сердца наконецъ пресѣкли крѣпкую нить этой многообширной жизни. Глядя на его страданія, на его борьбу, на его впавшій блуждающій глазъ, на его запекшія уста, вдавшіяся ямки висковъ, выдавшіяся скулы, на кости пальцевъ и рукъ, будто руки остова, на весь его мертвый обликъ, не разъ я твердилъ про себя:

«О Боже! Боже! Страшно зрѣть,
«Какъ силится преодолѣть
«Смерть человека!».

(Байронъ: Шильон. Узник.)

Не очень долго для обозначенія пространства времени, но очень, очень долго для ежеминутно увеличивающихся мукъ, и очень тяжко страдалъ бѣдный Мещериновъ. Въ томленіи этихъ предсмертныхъ боленій, онъ говорилъ мнѣ: «Не ропщу я на жизнь! Хотя много, много тяжелого горя дала мнѣ она, но были и минуты чистыхъ душевныхъ радостей, минуты, вознаграждавшія за горькое горе земной жизни... Спасибо и за то! Только никогда я не думалъ и ни какъ не хотѣлось бы мнѣ умереть, какъ я теперь можетъ быть умру здѣсь, въ этой грустной, въ этой гадкой клеткѣ... Посмотрите вы на нее, Бога ради! Что это такое, какъ не гадкая, душная, смрадная клетка!.. То-ли бы дѣло: смерть впереди моихъ храбрыхъ любимыхъ кубанцевъ, въ бою, на конѣ!.. Такъ я мечталъ всегда; такой смерти желалъ; да не сбыться, вѣрно, моему задушевному желанію.»

«Ахъ, Кубанцы мои, Кубанцы!» съ глубокимъ вздохомъ говорилъ онъ: «какъ я любилъ васъ! Одному Богу и мнѣ это извѣстно! Эту любовь къ вамъ унесу я въ могилу, какъ жертву очистительную представлю на судъ Сердцевѣдцу. Я умью ненавидѣть! Но любовь къ вамъ сильнѣе даже ненависти и презрѣнія къ врагамъ моимъ!»..

Но проблескъ могучаго духа—увѣренность въ выздоровленіи не покидала его. Со стороны всѣ мы видѣли, какъ быстро угасалъ этотъ сильный человекъ; мы видѣли постепенное разрушеніе послѣднихъ жизненныхъ признаковъ; мы предлагали ему совѣщаніе нѣсколькихъ врачей... Онъ отвергалъ. «Богъ дастъ, еще поживу; мнѣ эта проклятая давка въ груди и у сердца дала бы только день другой отъдыха,—я скоро поправлюсь!»

«Не бойся!» говорилъ онъ есаулу Малыхину уже въ перемѣжкахъ предсмертныхъ мукъ, «не бойся! Мнѣ теперь легче, и я дожусь моего добраго прочококошскаго духовника... только молись Богу, а мы еще не пропадемъ!».. И чрезъ нѣсколько часовъ, на рукахъ этого самаго преданнаго ему сослуживца и нѣсколькихъ вѣрныхъ кубанскихъ казаковъ своихъ, Мещериновъ замолкъ навсегда, испутивъ послѣднее дыханіе.

15-го декабря въ Ставрополѣ воздали командиру бригады полковнику и кавалеру Мещеринову послѣдній воинскій земный почести. Грустенъ былъ поѣздъ, сопровождаемый почетными лицами высшихъ правительственныхъ властей Ставрополя-Кавказскаго и динѣйскими казаками. Позади, звучно гремя, катились пушки.

По чувству, понятному для всякаго человека, сдѣлано распоряженіе, чтобы Мещеринова повезли въ Прочный Окопъ предать его бранные остатки той землѣ, которую онъ отстаивалъ, среди его обширной казачьей семьи, гдѣ онъ жилъ, гдѣ дружилъ съ товарищами, гдѣ бился съ врагами внѣшними и внутренними, гдѣ долго и славно служилъ..

15-го декабря былъ зимній день удивительный! въ тѣни на 0 (?); подъ лучами солнца 23° тепла. Тихо, чудесно! Когда при выѣздѣ изъ города остановился почетный поѣздъ и трупъ Мещеринова переложень былъ съ катафалка въ сани, стеклись казаки, казачки, и старики и старухи, и дѣти и внуки ихъ дать усопшему отцу-благодѣтелю послѣднее цѣлованіе. Трогательно было видѣть, какъ благоговѣйно, но настойчиво, тѣснились всею облобызавъ это высокое чело, помолиться въ послѣдній разъ надъ прахомъ человека любимаго. И когда крыша всепоглощающаго гроба закрылась и глухо отозвалась подъ ударами прикрѣпляющаго ее молотка; когда простые сани съ конвоемъ грустныхъ казаковъ

повезли трупъ далѣе по пути въ *Прочный Окопъ*, долго стояла толпа, все шепча молитвы; долго стояла она слезящими глазами за этимъ простымъ, но многозначительнымъ поѣздомъ, пока онъ совсѣмъ скрылся изъ виду; и только глубокіе вздохи были слышны, или тихія сердечныя молитвы съ крестными знаменіями, со взорами поднятыми къ ясному небу, къ милосердому Богу,—и краснооръчивѣе всякаго панегирика говорили объ этомъ посмертномъ судѣ и приговорѣ массы людей надъ усопшимъ ихъ братомъ.

Дмитрій Васильевичъ Мещериновъ отдѣлился отъ толпы. Въ бою онъ былъ первый, впереди всѣхъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ; иногда даже заносчивый. Страстный и дѣльный охотникъ, мѣткій стрѣлокъ, ловкій танцоръ, смѣлый поэтъ, даже отличный игрокъ на бильярдѣ; въ боевой распорядительности не было ему соперника; отважный джигитъ на конѣ, неутомимый всадникъ, разумный и опытный начальникъ; пылкій, общежительный,—и на раутѣ, на балѣ, и на веселомъ пирѣ ратныхъ товарищей, и въ бесѣдѣ задушевной,—Мещериновъ, щеголь, пѣвецъ и пріятный разскащикъ, вездѣ былъ очень занимателенъ и очень замѣтенъ. Образованіе его было довольно современное, хотя не глубокое и не специальное. Питомецъ гвардейской юнкерской школы, онъ потомъ читалъ много и старался читать съ разборомъ. Стройный, бойкій, ловкій, красивый мужчина, добрый товарищъ, другъ искренній, съ характеромъ твердымъ, Мещериновъ на долго оставилъ о себѣ добрую память.

«Онъ имѣлъ и недостатки» скажутъ мнѣ; но вѣдь онъ былъ человекъ; и кто вспоминать станетъ о недостаткахъ при столькихъ достоинствахъ покойнаго. Да и зачѣмъ же мы будемъ менѣе великодушны, нежели Римляне, освятившіе правило:... «de mortuis—bene».

Прости же, товарищъ, до общаго свиданія на всемірной перекличкѣ! Прошла годовщина послѣ твоей кончины; но вотъ, я съ удовольствіемъ вспоминаю тебя, и этими воспоминаніями кончаю годъ старый, встрѣчаю новый годъ.

Тамъ, на крутомъ взгорь предъ Кубанью, на берегахъ и въ струяхъ которой ты столько разъ ознаменовывался подвигами доблести военной, тамъ, возлѣ церкви православной, предъ которою ты благоговѣлъ и былъ всегда ея почтительнымъ сыномъ,—тамъ, среди отживающаго и грядущаго поколѣній кубанскихъ храбрыхъ динѣйскихъ казаковъ, слишкомъ рано ты сложилъ умную голову твою! Тамъ почіютъ твои благородныя кости, подъ говоромъ живаго памятника—преданія народнаго и боевыхъ воспоминаній. Туда на могилу твою прійдетъ не одинъ старый израненный казакъ погоревать объ отцѣ-командирѣ; онъ приведетъ и внуковъ своихъ, чтобы поразсказать имъ: какъ воевалъ съ Горцами, какъ глубоко и сильно любилъ кубанцевъ, какъ вѣрно, честно и усердно до послѣдней минуты служилъ Богу, родинѣ и Царю покойный *Дмитрій Васильевичъ Мещеринъ* (*).

1 января 1857.
Тифлисъ.

(* Такъ всегда звали его простые казаки.

ПРѢХАЛИ: февраля 10-го: изъ крѣп. Грозной генералъ-лейтенантъ *Евдокимовъ*. 11-го: изъ Моздока подполковникъ *Добровольскій*.

ВЫХАЛИ: февраля 10-го: въ сел. Зардобъ штабъ-капитанъ *Кобзевъ*. 11-го: въ Шушу полковникъ *Сафоновъ*.

Тифлисскаго театра.

Въ четвергъ, 14-го февраля:

ЗАПИСКИ ДЕМОНА—драма-водевиль. ЗАЧѢМЪ ИНЫЕ ЛЮДИ ЖЕНЯТСЯ—комедія-водевиль. Танцы.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ.

Мѣсяцъ и числа по старому стилю.	Часы.	Термометръ Р°.			Сирость воздуха.	Бар. при 13 ¹ / ₂ Р°.	Напр. вѣтра.	Состояніе неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Своч.	Русс. поз.					Наив.	Наив.
8-го февраля.	7 утра.	— 5,4	— 5,6	0,95	580,08	Тихо.	Облачно.	— 6,6	— 1,5	
	1 попол.	— 1,5	— 2,3	0,81	580,27	— — —	Обл. на гориз.			
	9 вечер.	— 4,6	— 5,2	0,84	580,42	СЗ. оч. слаб.	Обл. на гориз.			
9-го февраля.	7 утра.	— 3,7	— 4,1	0,88	580,09	В. оч. слаб.	Обл. разс.	— 5,0	+ 0,2	
	1 попол.	— 0,6	— 1,2	0,88	580,31	В. оч. слаб.	Облачно.			
	9 вечер.	— 3,6	— 3,8	0,95	580,03	Тихо.	Обл. на гориз.			
10-го февраля.	7 утра.	— 5,8	— 6,2	0,88	579,36	С. слаб.	Обл. на гориз.	— 5,9	+ 3,0	
	1 попол.	+ 1,0	+ 0,0	0,78	578,34	СЗ. оч. слаб.	Ясно.			
	9 вечер.	— 0,8	— 2,2	0,70	577,44	Тихо.	— — —			
11-го февраля.	7 утра.	— 2,4	— 3,1	0,83	577,83	З. оч. слаб.	Обл. на гориз.	— 3,0	+ 4,2	
	1 попол.	+ 3,8	+ 1,2	0,54	577,04	СЗ. оч. слаб.	Обл. разс.			
	9 вечер.	+ 0,6	— 0,7	0,74	566,86	С. оч. слаб.	Обл. ясти.			

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

ТИФЛИСЪ. 14-го Февраля 1857. Цепсоръ А. ЭБЕЛИНГЪ. Въ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Редакторъ **Ф. Бобылевъ.**